

Дождь только-только прошел, оставив после себя упоительную прохладу.

Стоило начаться уроку, как Вань Цзиньцзянь тоскливо уставился на учителя математики. Тот неумолимо напоминал пригородную картофелину — круглый, лоснящийся и до одури самодовольный. Ну просто душка.

Математика для большинства нормальных людей была сущим кошмаром наяву. Вот и сейчас учитель вывел на доске пять цифр. На первый взгляд — всё знакомо. На второй — лучше бы и не смотрел. За каким чертом нужно было городить эти бесконечные латинские буквы, чтобы в итоге получить одну-единственную цифру? Кого они пытаются надуть?

Цао Гэнвэй сдался первым, явив миру истинную сущность неисправимого учебного шлака. Его запала хватило ровно на пару минут в начале урока. Осознав тщетность бытия, он сладко зевнул и, решив не сопротивляться сну, уткнулся носом в парту.

А вот Вань Цзиньцзянь был устроен иначе. Он математику обожал. Пока остальные балансировали на грани двойки, этот парень на выпускных экзаменах умудрился набрать почти сто баллов из ста. Ему разве что за корявый почерк пару очков сбавили — да и то из чистой вредности. Так что в глубине души он считал себя абсолютным гением.

Раньше он впитывал знания, теперь же — смертную тоску. Проходить то же самое во второй раз — все равно что жевать вчерашний холодный рис. Голос учителя на кафедре бубнил, будто первая учительница в начальной школе:

— Пишем буквы ровненько, палочки должны быть прямыми...

Цзиньцзянь почувствовал, как тяжелеют веки. Впервые в жизни на математике его так нещадно клонило в сон.

«Наверное, это всё дурное влияние прежнего хозяина тела»

— лениво подумал он, засыпая. Накатило знатно.

Летний ветерок шелестел за окном, а грозовой полумрак за стеклом делал этот душный день идеальным для сиесты.

— Босс, — Цао Гэнвэй сонно протер глаза и толкнул друга локтем. — Следующая — физра. Пойдем пораньше, площадку под баскетбол займем.

Затем Гэнвэй бесцеремонно пихнул ногой соседа через проход и прикрикнул:

— Слышь, заучка! Кончай строчить. А ну метнись кабанчиком в буфет, принеси отцам водички.

Цзиньцянь чувствовал себя разбитым. В конце концов, в утренней драме с расставанием пострадавшим был именно он. С трудом оторвав голову от измятого учебника, он вытер набежавшую слюну, зевнул и лениво огляделся.

Парень, получивший пинок, молча поднялся. Он поправил на переносице дешевые очки в черной роговой оправе, забрал со стола карту пропуска и уже собирался покорно поплестись в школьный магазин.

— Погоди, — хмыкнул Гэнвэй и повернулся к лидеру: — Босс, тебе что взять? Холодный чай или энергетик?

Цзиньцянь скользнул взглядом по заучке. Обычная сине-белая спортивная форма сидела на том на удивление ладно, подчеркивая высокий рост и широкие плечи. Лучи проглянувшего сквозь тучи солнца мягко золотили его силуэт. Простые потертые кеды, аккуратный вид... Разве что на запястье не хватало модных часов, какими хвастались местные мажоры.

Над головой парня отчетливо сияла невидимая для остальных системная плашка: Чжао Хаочэн.

Вань Цзиньцянь застыл, уставившись на одноклассника так, словно перед ним материализовался слиток чистейшего золота.

«Главный герой... Мать твою, это же он!»

Как и положено истинному баловню судьбы, он являлся миру сразу после бури — эффектно, в лучах пробивающегося солнца. Просто загляденье.

И кто только выдумал эти байки про «бедного замухрышку из деревни»? Перед ним стоял подтянутый, чертовски привлекательный парень ростом под метр девяносто, без пяти минут выпускник престижной школы.

В этом романе бедность служила Чжао Хаочэну не клеймом, а лучшим украшением. Образ упорного борца за мечту безотказно покорял девичьи сердца. Одно за другим.

Почему их было так много? Да потому что сюжет требовал разнообразия: на каждом новом жизненном этапе рядом с героем вилась очередная красотка. Потом вмешивалась непреодолимая сила обстоятельств, они расставались, но бывшие пассии продолжали вздыхать по нему до конца дней своих, присылая по праздникам робкие сообщения:

«Ты как? Всё хорошо?»

Чистейшей души создания. А вот сам Хаочэн святошей явно не был. Но девчонкам хоть бы хны — они готовы были следовать за своим кумиром хоть на край света.

Как говорится, за каждым успешным мужчиной стоит гора жареных цыплят, а за успешной женщиной — мешок копченых уток.

Главный герой притворялся благородным рыцарем, оставаясь скрытым подлецом. А вот здешнее пушечное мясо — то есть сам Вань Цзиньцян — творил пакости открыто и глупо. Но в их противостоянии у злодея не было ни единого шанса. Главный герой сотрет его в порошок легким щелчком пальцев, и даже праха не останется.

Вань Цзиньцяню оставалось лишь признать очевидное: его персонаж — непроходимый идиот, в то время как Чжао Хаочэн — настоящий титан, хищник высшего порядка среди школьных главарей.

— Мне... — Цзиньцян от волнения едва не прикусил язык. Его собственное, некогда принадлежавшее ему здоровое и сильное тело стояло прямо перед ним, но дотянуться до него было невозможно. Обидно до слез. — Мне... зеленого чаю.

Чжао Хаочэн даже бровью не повел на эту заминку. Он молча развернулся к выходу.

— погоди! — окликнул его Цзиньцян и ткнул пальцем в своего прихвостня: — Да Цао, ты иди.

Не попытаться примазаться к такому могущественному персонажу мог только клинический идиот. Да, репутация у Вань Цзиньцяня была хуже некуда — он успел изрядно попить кровушки будущему герою, но ведь лучше поздно, чем никогда? Самое время начать искупление грехов.

Класс замер в немом шоке.

Да Цао вытаращился на босса, искренне не понимая, что происходит. Он ткнул себя пальцем в грудь:

— Шеф, ты серьезно? Я?!

Обычно Цзиньцян пылинки сдувал со своего верного оруженосца. Подобная черная работа всегда доставалась тем, кто стоял на нижней ступени школьной иерархии.

— Именно ты, — отрезал Цзиньцян. Он шустро подскочил к Чжао Хаочэну и расплылся в дружелюбной улыбке: — Старина Чжао, ты занимайся, занимайся. Учеба — это святое. Разве можно гонять занятого человека по пустякам?

По кабинету пронесся дружный вздох изумления. На физиономиях одноклассников застыл священный ужас.

Вань Цзиньцянь и Чжао Хаочэн до сих пор ладили как кошка с собакой. Их вражда началась в первый же день, когда этот деревенский парень бубнил себе под нос приветственную речь, коверкая слова провинциальным говором. Хаочэн вечно сидел уткнувшись в учебники, ни с кем не общался, а по ночам в общежитии мешал всем спать, зажигая настольную лампу. Ну кого не взбесит такой зануда?

Поскольку уговоры не помогали, главарь школы Вань Цзиньцянь решил взяться за перевоспитание упряма проверенными методами. Принцип был прост: не понимает слов — поймет силу. Если одной зуботычины мало, всегда можно добавить вторую. Со временем любой станет шелковым. Этому правилу Цзиньцянь следовал неукоснительно.

И вдруг — такой резкий поворот. Мало того что мажор заговорил вежливо, так еще и рассыпался в любезностях перед своим излюбленным объектом для издевательств. Чертовщина какая-то.

Опешивший Цао Гэнвэй нехотя вытащил карту пропуска. Проходя мимо Чжао Хаочэна, он злобно зыркнул на парня и показал ему кулак, обещая скорую расплату.

[Внимание. Действия хоста нарушают каноничное поведение персонажа. Подобные девиации могут дестабилизировать оригинальную сюжетную линию]

«Да пошел ты, Король Грязевых Коней, — мысленно огрызнулся Цзиньцянь. — Клеймо учебного шлака я еще как-то переживу, но ссориться с этим монстром не намерен»

При одной мысли о том, что в финале его, хилого и изнеженного, сошлют на тяжелые работы в Африку, у него подгибались колени. Лучше уж притвориться дурачком сейчас, чем пахать до гробовой доски потом.

«Куй железо, пока горячо!»

[Предупреждение! Выявлено критическое отклонение от роли!]

[В связи с систематическим нарушением характера персонажа, Система активирует дисциплинарное взыскание: Наказание жёлтой карточкой. Приготовьтесь к наказанию]

«Ой, премного благодарен»

— съязвил Цзиньцянь.

В его представлении главный герой был самым опасным существом во вселенной.

Но парень глубоко заблуждался. По наивности своей он даже не догадывался, с какими силами

связался.

Цзиньцянь чувствовал себя совершенно зачумленным после долгого сна. Обычно старшеклассники бегали в уборную ополоснуть лицо, когда у них закипали мозги от зубрежки, но у него была другая беда — он просто переспал. На левой щеке отчетливо отпечатался рельефный узор от переплета учебника.

Едва переступив порог туалета, он так и застыл. В воздухе плыл густой, изысканный аромат сандалового дерева.

«Вот это я понимаю — элитная школа. Даже в сортире пахнет как в приличном спа-салоне»

Но дальше — больше: вместо привычных обшарпанных писсуаров здесь были цивильные закрытые кабинки, и в каждой, о чудо, висел рулон плотной, дорогой бумаги. Настоящий люкс.

Около умывальников красовался полный набор гигиенических средств. Автоматическая сушилka для рук никого бы здесь не удивила, но тут висел даже профессиональный фен.

Цзиньцянь приблизился к зеркалу и принялся разглядывать свое новое отражение.

Говорят, если бог закрывает дверь, он обязательно открывает форточку. Внешность у парня была поистине выдающейся: разрез глаз напоминал очертания крыльев феникса, у самого внешнего уголка примостилась крошечная кокетливая родинка, а бледную кожу изящно оттеняла небрежная челка. Не юноша, а прекрасный бутон лотоса, покачивающийся на озерной глади.

Он покрутился перед зеркалом. Под мешковатой спортивной курткой скрывалось весьма хрупкое телосложение.

«Он тут вообще голодал, что ли? Или сидел на жесткой диете?»

— проворчал Цзиньцянь. Он бесцеремонно задрал штанину, чтобы оценить состояние своих ног. Изящные, тонкие и неестественно бледные.

В голове невольно завертелись дурацкие стишки из интернета:

«Твои ноги — не ноги, а гладь Сены в тиши...

Твоя талия — бритва, погибель души!»

Короче, мечта поэта, а не пацан.

Правда, редкая поросль волос на голеньях выглядела настолько жалко, словно насмехалась над его попытками казаться грозным альфа-самцом. Ну и где тут мужская брутальность? С таким личиком только в девичьих грезах блистать, а не авторитетом на районе заправлять.

За этим увлекательным занятием его и застала уборщица. Пожилая женщина с ведрами и швабрами шумно ввалилась в помещение и ошалела от увиденного: какой-то парень увлеченно крутился перед зеркалом, задрал штаны и нежно поглаживая собственную голень.

Женщина деликатно кашлянула и торопливо попятилась назад, пробормотав извинения за вторжение.

— Черт, всё не так! — Цзиньцянь мгновенно залился краской, судорожно натягивая штанину обратно. — Тетушка, стойте, я всё объясню!

Он пулей вылетел в коридор, но уборщицы уже и след простыл. Видимо, бедняжка испугалась не на шутку.

Добежав до лестничного пролета, женщина перевела дух и покачала головой:

— Красоваться, конечно, дело хорошее, но у этого мальчишки явно крыша поехала.

Тут как раз подросла его свита. Парни весело загоготали и, не дав боссу опомниться, дружно поволокли его в спортивный комплекс.

В окружении шумной толпы Цзиньцяню без труда удалось скрыть недавнее замешательство.

Стоит отдать должное Третьей средней школе Жунчэна — финансирование здесь было на высоте. Учебные корпуса, современные лабораторные корпуса, огромный спортивный манеж... Причем всё это великолепие не просто стояло для галочки, как в большинстве обычных школ, а активно использовалось учениками.

Огромный спортзал щеголял безупречным глянцевым паркетом, в котором празднично отражались косые лучи послеполуденного солнца.

Цзиньцянь быстро переоделся в баскетбольную форму. В своей прошлой жизни он мяч в руках держал редко, но, как назло, обожал то, в чем абсолютно не разбирался.

Трибуны стремительно заполнялись визжащими девчонками сразу из двух классов — одиннадцатого и двенадцатого. Формально намечалось товарищеское дерби, но на деле все эти зрительницы явились исключительно ради одной персоны. Им нужен был Вань Цзиньцянь.

Его точеное лицо обеспечило ему безоговорочный титул школьного красавца, затмив всех

предыдущих фаворитов. Местный форум буквально ломился от его снимков: идеальный профиль, бесконечные ноги, а фирменным жестом парня был небрежный воздушный поцелуй, который он отправлял трибунам после каждого удачного трехочкового броска.

Строптивый нрав, повадки избалованного наследника и баснословное богатство семьи превратили Вань Цзиньцяня в недостижимую звезду. Каждая девчонка видела в нем парня своей мечты.

Красивой летящей походкой он вышел на паркет. Мышечная память тела сработала безупречно: он с легкостью перехватил мяч прямо на старте и эффектно вогнал его в кольцо.

— Да! — не удержался от победного крика Цзиньцянь.

Он картинно зачесал пятерней влажные волосы назад и, словно главный герой слащавой драмы, изящно приподнял край майки, якобы вытирая пот, а на самом деле демонстрируя трибунам идеальный рельеф пресса. Зал тут же взорвался восторженными взвизгами.

Цзиньцянь довольно улыбнулся. О да, у этого тела определенно были свои неоспоримые плюсы.

В прежней жизни ему приходилось сутками зубрить формулы, чтобы заслужить хоть каплю признания. Теперь же, оказавшись в шкуре пушечного мяса, он купался в лучах славы без малейших усилий.

«Я — пуп земли! Я — центр этой вселенной!»

— ликовал он, мысленно посылая воздушные поцелуи ревущей толпе.

Бабах!

Расплата за чрезмерное хвастовство прилетела незамедлительно. Тяжелый баскетбольный мяч, пущенный чьей-то невидимой рукой, с глухим стуком врезался прямо ему в затылок.

[Наказание жёлтой карточкой приведено в исполнение. Желаем приятной игры]

[Дружеское напоминание: строго придерживайтесь каноничного поведения персонажа. Любые попытки сойти с дистанции будут караться жестче]

«Сука...»

— мысленно взвыл Цзиньцянь.

В глазах потемнело, сознание на мгновение уплыло куда-то в сторону. Не успел он прийти в себя, как его уже подхватили под руки перепуганные прихвостни.

Похоже, эта чертова Система не шутила и за любое отступление от сценария собиралась наказывать его вполне реальной физической болью.

— Шеф, ты цел?

— Вань-гэ, живой?!

<http://bllate.org/book/20139/2115025>